

Е. В. Зейдель

Отсутствие ярко выраженной категории протеста в русском сознании

(на примере философии антиглобализма в России)

В последнее время стало популярно говорить о таком явлении, как «глобализация». Мне представляется важным сначала раскрыть суть этого процесса. Глобализация может пониматься как складывание единого мирового рынка, политическая интеграция с целью совместного решения глобальных проблем, что ведет к рождению нового, единого человечества. Но возможно и иное осмысление глобализационных процессов, когда глобализация представляется лишь унификацией, стандартизацией национальных культур, приведением их к общему знаменателю, в качестве которого выступает западная культура. Это может обернуться глобальным бедствием, разрушением множества более мелких, но самоценных культур, что неизбежно должно привести к культурной деградации человечества.

Подобная перспектива, естественно, встречает отторжение и протест, порой весьма активный и агрессивный (имеются в виду выступления антиглобалистов). Для антиглобализма свойственно преодоление униморфизма, которое основано на отрицании глобалистской универсализации культуры, а также на целенаправленной ориентации на традиционные ценности. В этой связи мне видится актуальным рассмотрение движения антиглобализма в России и философии этого движения.

Россия как член международного сообщества не может остаться равнодушной к такому модному течению. Массовой организации антиглобалистов в нашей стране пока не наблюдается, а есть несколько групп инициативных граждан в Москве, которые пытаются распространить новую идеологию в других регионах. В Европе антиглобализм является предельно широким явлением: в антиглобалистских протестах участвуют левые, анархисты, националисты, экологи, регионалисты, феминистки, транссексуалы – представители самых разных этических, философских и социальных направлений. В России же

это, в основном, коммунисты, традиционалисты и неоевразийцы. Разрозненность подобных организаций проявляется в том, что об их существовании в России вообще знают немногие, а выступления носят неорганизованный характер.

Что касается философии антиглобализма, то она направлена против либеральной и неолиберальной философии, а также против индивидуализма и минимального гуманизма. Философия антиглобалистов представляет собой очень гибкое и готовое к синтезу явление, которое открывает пути концептуальному творчеству, инновационным процессам, предоставляет свободу воображению. Однако, стоит заметить, что эти принципы характерны, скорее, для западно-европейского антиглобализма. Ниже я представлю доводы, доказывающие, что российскому антиглобализму это не свойственно.

Приведу имена тех, кто представляет эту философию. На протяжении уже десяти лет существует газета «Завтра» (правда, пребывающая в состоянии интеллектуальной и политической экзальтации) и кружок А.Г. Дугина – адепта эзотерического учений. Также существуют известные в узких кругах журналы «Элементы» и «Арктогея», издателями которых являются А.Г. Дугин и А.А. Проханов. К «антиглобалистским» философам относится и Л.А. Тихомиров, написавший книгу «Религиозно-философские основы истории». Довольно интересна, на мой взгляд, книга И.М. Мурадяна и С.А. Манукяна «Третий путь» евразийских наций и Ирано-шиитская революция». Видным идеологом российского «неоевразийства» и адептом «новой правой» является Шамиль Султанов. Главными идеологами российского антиглобализма можно считать неоевразийцев. Однако их теории оказываются в значительной степени несостоятельными. Попробую это доказать.

Говоря о философии неоевразийства, я хотела бы начать с одного из наиболее известных традиционалистов постмодерна в России А.Г. Дугина, создавшего масштабную философскую систему. Дугин исходит из гностических доктрин и оккультизма, движется через изучение сравнительного религиоведения, через традиционализм европейских мыслителей, берет на вооружение европейскую консервативную мысль, знакомится с теоретиками модерна и постмодерна, наконец, обращается к идеям евразийцев и уже в результате всего этого адаптирует данные идеи и переносит их на почву православия.

Но в писаниях святых отцов он не обнаруживает критерия всем перечисленным выше принципам, а сначала констатирует

близость своему традиционализму старообрядчества и уже потом пишет книгу «Метафизика Благой вести», в которой цитаты из отцов перемешены с лжебогословскими конструкциями в стиле русских масонов-мистиков. В конечном счете, Дугин выходит и на историческое православие, но делает это уже не как исследователь и теоретик, а как лидер движения «Евразия» – при этом Русская Православная Церковь рассматривается им как политический партнер наряду с российским исламом, буддизмом и иудаизмом. Такое отношение «православного» традиционалиста к церкви не может не удивлять, тем более, что с политической точки зрения эффективным можно было бы считать только проработку союза российского православия и ислама. Буддизм и иудаизм в России имеют приверженцев максимум по одному проценту населения, насчитывается всего не более трехсот общин буддистов и иудеев. Единственным смыслом привлечения буддистов могли бы быть только некоторые геополитические планы – создание союзного России «буддистского блока» в Азии, о котором говорит Дугин.

А.Г. Дугин как «неоевразиец» не добавляет к евразийцам практически ничего нового, скорее, наоборот обедняет их идеологию, используя ее в современном российском политическом контексте, что сейчас вообще стало модным. Евразийство 20-30-х годов было неоднородным явлением. Но в целом это было православно ориентированное течение, хотя православие евразийцев в разных версиях их доктрины проявляло себя не всегда органично. Наследуя в целом Константину Леонтьеву в его понимании места России в мире, евразийцы, как правило, утрачивают леонтьевское чувство «священного» смысла в истории и государственной жизни. Тем не менее, главный теоретик евразийства Николай Трубецкой – актуальный и зоркий публицист, Лев Карсавин – православный философ, автор своеобразного учения об истории.

В книгах А.Г. Дугина человеческие доктрины и метафизические системы приписаны самим ангелам-покровителям народов и традиций. Ангелы делятся у него на несколько отрядов, каждый из которых поддерживает различные земные духовные направления – манифестационизм (эллинство) или креационизм (иудейство) или «третий путь» (отряд, возглавляемый Богородицей). «Отрядов может быть много, и у каждого из них», говорит Дугин, «своя правда», хотя перспектива в конечном счете должна быть двойственной. В «Метафизике Благой вести» (1996 г.) ангелы не только совершают метафи-

зический выбор между правым и левым (доктринами манифестационизма и креационизма), но и обращаются ко Христу, «добровольно переходят под начало Богородицы», «воцерковляются». Человеческую ограниченность и заблуждения Дугин «делегировать» вечности.

В книге «Конспирология» (1992) А.Г. Дугин указывает на связь политических идеологий XX века с тайными «контринципатическими» организациями. По существу, подход Дугина не является чем-то новым – похожие дуальные схемы мировой истории выстраивал, например, А.С. Хомяков (борьба в истории линий иранства и кушитства. Однако, именно Дугин последовательно проводит мысль, что «чисто духовные ордена и религиозные организации... становятся оккультными силами». Именно Дугин сводит смысл космического противостояния добра и зла на земле к «оккультной войне континентов».

Геополитику Дугин трактует как форму сакральной географии. Он настаивает на «драматургическом» характере войны двух «великих Начал, не только противостоящих друг другу, но и необходимых друг другу, так как на этой паре основан весь космогонический и космологический процесс, весь циклический ход человеческой истории». В контексте геополитической и духовно-политической конспирологии принцип «эзотеризма» поставлен над принципом «традиционализма» и подчиняет его себе как служебный инструмент. Сакральная «традиция» оказывается орудием в руках тайных оккультных сил. История человечества оказывается разделенной на внешнюю, «орудийную» и внутреннюю, ведомую лишь «посвященным», мистерию.

Другой московский очень яркий «традиционалист» Гейдар Джемаль утверждает, что в Евразии идеология антиглобализма должна именоваться «соборной глобализацией», то есть альтернативным «мировым порядком». В 1998 году Джемаль выступил в МГУ с циклом лекций «Традиция и реальность» (частично опубликованном в «Философской газете), где утверждает, что «за завесой антиглобалистской риторики управленческие круги мировой системы готовят альтернативу на случай крушения США как главного мирового жандарма».

Стоит отметить, что философские основы современного «неоевразийства» обладают явными признаками языческой мистики, с характерным для всех религий делением на ложный и истинный мир, и имеют целью интеллектуальные и философские изыскания деятелей так называемой «консерватив-

ной революции», «нового традиционализма».

Провозвестники «Традиции» опираются в основном на религиозных нигилистов, на тайные общества. Сердцевиной этих учений является неверие в личностного Бога-Творца и неразличение Бога и тварного мира, осознанное смешение Добра и Зла, ведущее к признанию их иллюзорности или даже тождественности. Цель христианской жизни – Спасение – подменена целью обретения не всем доступного «знания». Такое эзотерическое Знание доступно лишь «посвященным», которые «право имеют», в отличие от «тварей бессловесных», которые могут стать «людьми» лишь с помощью призванной Элиты. Обладание таким «Знанием» позволит им делить людей на профанов и избранную элиту. Избегая прямых атак на христианство, интеллектуалы-неоевразийцы проповедуют некий «Третий путь» и пользуются поддержкой аудитории, приверженной к православной культуре, но не слишком сведущей в эзотерических учениях.

Теория «евразийской цивилизации», своеобразная антихристианская философия, своим толкованием истории умышленно игнорирует тысячелетнюю православную традицию России и русскую цивилизацию. Подобная наиболее проработанная якобы «антиатлантическая» версия евразийства, по сути, борется с русской идеей и православной вселенскостью. Для неоевразийских интеллектуалов дорог сам демонизм вызова: бросить вызов «мировой системе», затем самому христианству и стать столицей всеобъемлющего бунта против мироздания. Такие громкие заявления могут найти опору среди интеллигенции, но не могут вызвать кризис сознания всего населения.

Таким образом, мы видим, что на вызовы либерального универсалистского проекта пока нет серьезного ответа в современной России – ответа, который в полной мере опирался бы на ее наследие и историю, но смотрел бы в будущее.

Наблюдения за движением антиглобализма в России натолкнули меня на мысль о неспособности протеста быть идеологической и мировоззренческой составляющей сознания российских людей. По моему убеждению, философия протеста в современной России выражена лишь немногими идеологами, которые не могут заручиться активной поддержкой населения.

Теперь я хочу перейти к рассмотрению проблемы «пассивности» русского анархистского сознания и попытаюсь обосновать тезис о невозможности массового «активного» протеста в России.

Российское сознание пассивно. Человек склонен мириться с лишениями, считая удовлетворительным уже то, что он имеет в данный момент. Трудности при этом воспринимаются как нечто само собой разумеющееся, укрепляющее характер индивида. Русский человек предпочитает терпеть – как власть, так и свое положение в существующей системе. Возможно, такой огромной стране, как Россия, необходимо монархическое правление. Конкретизируя это понятие, скажу, что я не предлагаю восстановление монархии в ее средневеково-классическом или самодержавно-русском вариантах, а подразумеваю своеобразный механизм правления, который отличается от западно-демократического своей централизацией и единовластием и который основан не на принципах авторитаризма, а на личной ответственности.

Массовые движения же, как известно, совершаются людьми неудовлетворенными, которые ощущают собственную силу, не испытывают страха перед окружающей действительностью и последствиями своих действий, кроме того, обладают необузданной верой в светлое будущее. Это порождает у них энтузиазм и осознание своей цели как «священного дела». Большинство же русских являются противниками радикальных новшеств, поскольку, как я считаю, боятся, что они приведут к ухудшению ситуации. Различные нововведения многими поначалу воспринимаются как нечто враждебное, не способствующее развитию страны и противоречащее их собственным убеждениям. В качестве примера можно привести неприятие широкими слоями населения движения за защиту прав сексуальных меньшинств.

Также массовые движения действуют в обществе, в котором широко распространена идея прогресса, что характерно, скорее, больше для западно-европейского мировоззрения. В заключение мне представляется логичным вернуться к проблеме глобализации и найти возможный выход сохранения российской самобытной культуры, не прибегая к движению антиглобализма, которое все равно вряд ли будет успешным.

Универсализм русской культуры изначально тяготеет к глобальным проблемам духа, установкам на возвышенное, вселенность, соборность, на принципы человеколюбия и единения в сфере духовного совершенствования. Под «универсализмом» я здесь, конечно, подразумеваю не значение этого понятия в современном глобализационном смысле, а многогранность русской культуры, ее своеобразие, проявляющееся в ог-

ромном количестве аспектов и сфер.

На сегодня отечественная культура носит деформированный характер ценностей. А отечественная философия традиционно опирается на те ценности, которые имеют статус общезначимых, глобальных, находя им подкрепление в смысловом поле своих культурных установок и традиций.

Отечественная культура демонстрирует, с одной стороны, участие в мировых культурных трансформациях, а с другой – расширение собственных культурных рамок. Культура развивается через добавление нового, не уничтожая предыдущее, т. е. расширяя поле. Она оказывается способной в условиях глобализации и омассовления культуры сохранить свою локальную самобытность и востребованность в мировом масштабе.

Таким образом, никакой антиглобализм и протест против современного устройства мира для нас просто не имеет смысла, и поэтому его идеологи не вызовут массового интереса у и так изначально пассивного русского сознания.